

Ночная гостья

Астрид Хауген

Четыре часа утра. Тишина и покой. Люди мирно спят в своих постелях, подъем еще нескоро, и монастырь погружен в темноту. В комнате тоже стоит тишина, нарушаемая лишь еле слышным дыханием спящей. Девушка лежит на спине, укрывшись до подбородка одеялом и откинув голову, лицо спокойно, и кажется, что она где-то далеко, может даже не в этой стране.

Цветные пятна: синие, зеленые, коричневые, плеск воды. Воздух кажется густым, как масло, но постепенно ощущение проходит, ей легко и, кажется, она может летать. Конечно может! Предположение переходит в уверенность, когда она подпрыгивает и расправляет руки, воздух принимает ее, будто только этого и ждал. Она ныряет вниз, мир сверкает красками белого и бледно-голубого — это солнце играет на водной ряби под ней. На мгновение прижав руки к телу, она вновь вскидывает их вверх и, выйдя из пике, мчится, словно маленькая пуля вперед.

Удовольствие от полета захватывает ее и она летит так быстро, насколько это возможно, но...картинка вновь смазывается, и вот уже она не управляет собой, а словно смотрит изнутри, как в кинозале. Ее тело, все такое же легкое и маленькое, покачивается на толстой ветке; под ней — вода, чистая, так, что видны камушки на дне. Камушки и...рыбки. Маленькие, прозрачно-серые, беззаботные. Тело перебирается по ветке поближе к рыбкам, и Астрид внезапно понимает, что сейчас будет, и пугается. Ей не хочется падать в воду, там же мелко, а тем более есть живую рыбу... Она вырывается назад, отклеивается от своего маленького легкого тела и окончательно превращается в зрителя из кинозала. Испуг превращается в волнение, она рассматривает ярко-голубую птичку с длинным прямым клювом. Ветер шевелит перышки на ярко-рыжей грудке, солнце ласкает лазурные крылышки. Астрид впитывает цвета, будто это что-то очень важное, а птичка, прыгнув вниз, на мгновение превращается в пернатую стрелу, окунается в воду и тут же выныривает, возвращается на ветку.

Девушка мысленно приближается к ней, пытаясь угадать что-то, кроме картинки, а птичка тем временем заглатывает свою добычу и застывает, разглядывая Астрид своим круглым черным глазом. Птичка ее точно видит, девушка уверена, но ей снова становится немного страшно. Слишком пристально смотрит птица, слишком ярко ее оперение. Черный глаз неумолимо приближается, Астрид ныряет в него, и все поглощает темнота, солнце, вода, все краски пропадают в этой прозрачной, совершенной темноте. Ее затягивает все дальше, а она не может справиться, будто попала в сильный поток воды, и бестолково машет непослушными руками.

Астрид Хауген

Девушка распахнула глаза, все еще в легкой панике, пытаясь выбраться из под одеяла. Темнота в комнате была совсем другой, чем та, которая затянула ее во сне. На то, чтобы понять, что это был только сон, у нее ушла по меньшей мере минута. А это долго, Астрид обычно просыпалась сразу.

- Птица, - первая цельная мысль посетила ее голову после того, как она расправилась с одеялом и села на постели, обхватив руками колени, - *Мне снилась птица, но зачем же так реалистично?*

Она вновь прокрутила в голове сон, слишком яркий и живой, не такой, какие снились

ей обычно. Казалось, эта птичка от нее чего-то хотела, когда смотрела так пристально. Лучше бы ела свою рыбу, честное слово.

Астрид привыкла доверять всему необычному. Наверное другой человек на ее месте отмахнулся бы от сна, подумав, что переутомился накануне, отчего снится всякая всячина. Но девушка ни на минуту не забывала, что находится в монастыре, где полным полно магов всех мастей, а значит сон мог оказаться чем-то большим.

Было еще слишком рано, до утреннего колокола оставалось около часа, а уснуть Астрид не смогла бы при всем желании. К тому же ей не хотелось опять встретиться с этой птичкой, для нее хватило на сегодня странных снов. Поэтому девушка вылезла из постели, натянула теплый свитер поверх пижамы, зажгла лампу над столом. Перед глазами все еще мелькали цветные пятна, ярко-голубого, ржаво-рыжего и черного. Закрываешь глаза — и на внутренней стороне век вспыхивает небесно-голубая лазурь. Как тут спать?

Астрид Хауген

Астрид открыла альбом с зарисовками, вытащила из тумбочки краски и кисти, двигаясь впопыхах, будто куда-то опаздывала. Налила воды в кружку, нетерпеливо, жадно набрала на кисть синего цвета, добавила немного зеленого и стала рисовать то, что стояло перед глазами — ярко-голубые крылья. Набрала рыжего, чуть смешав с коричневым, мелкими мазками пририсовала «пушистую» грудку, лапки — чуть темнее, и чисто черные — круглый глаз с обводкой, и длинный клюв. Затем добавила серо-зеленую ветку под лапами. С листа на норвежку смотрел зимородок. Птица, конечно, получилось не такой живой, какой была в ее сне, но пристальный взгляд круглого глаза удался на славу. Так что Астрид достала из альбома этот лист и отложила его подальше, чтобы не нервировал.

Стянула свитер и залезла обратно под одеяло. Рисунок нервировал все равно, хоть и не был виден, и девушка отпустила мысли, рассчитывая, что они сами найдут правильное решение, без ее участия. В голове первое время всплывали какие-то глупости, обрывки фраз, готовка завтрака в столовой, а потом пришло воспоминание с мастер-класса по превращению. О том, что она писала в эссе, о цветах — голубом и рыжем, и птице. Нафантазировалась, вот и приснился этот зимородок. У Астрид так бывало, когда она придумывала что-то, а потом оно приходило во сне, требуя, чтобы с идеей поработали еще, довели ее до конца. Но эссе было простым предположением.

- *Это что, я значит буду есть сырую рыбу?* - норвежка уставилась глазами в светлеющий потолок. Мысль не казалась ей противной, просто странной. Куда круче, если она будет летать. Если у нее будут собственные крылья, точнее, потому что летать она и так немного умела.

Глупо улыбаясь, Астрид повернулась на бок и уткнулась носом в подушку. Невдалеке раздался звон утреннего колокола.
